
ИГОРЬ ЧЕБЕЛЕВ
В ПРЯМОМ ЭФИРЕ
НЕНАВИЖУ
ТЕБЯ
В ПРЯМОМ ЭФИРЕ
ТЫ МЕНЯ БЕСИШЬ
НО Я ВСЁ РАВНО СМОТРЮ ТЕБЯ...
РОМАН

Игорь Чевелев
Ненавижу тебя в прямом эфире

https://litres.ru/74711609
SelfPub; 2026

Аннотация

Вера Климова готовится к эфиру, как к экзамену: план, маркеры, закладки в книге каждого гостя. Глеб Назаров, бывший хоккеист и сын легендарного диктора, выходит в кадр без бумажки и уверен, что выкрутится. Утреннее шоу «Подъём» держится на их ссорах, и вся страна знает: эти двое друг друга терпеть не могут.

Когда ссора у плиты разлетается по сети, продюсер предлагает сделку: до Нового года они изображают роман. Совместные выходы, соцсети, восемь правил и стоп-слово «сырники». Никаких настоящих чувств.

Но камера не умеет отличать игру от правды. А когда в игру вмешивается бывший Веры и правила вдруг оказываются в сети, придётся понять, что же в этом романе настоящее.

Смешная и тёплая история о телевидении, гордости и о том, как сложно ненавидеть человека в прямом эфире.

Содержание

Глава 1. Вера 4
Вера 4
Глава 2. Глеб 11
Глеб 11
Глава 3. Вера 18
Вера 18
Г 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Игорь Чевелев
Ненавижу тебя в прямом эфире

Глава 1. Вера

Вера

До эфира оставалось две минуты, и у меня пропал гость.

Не опаздывал. Не застрял в пробке на Ленинградке. Пропал. Телефон выключен, продюсер в панике, а в студии на месте гостя стояла пустая табуретка, которую кто-то заботливо подвинул к плите.

- Диетолог не приедет, - сказал мне в ухо Паша. Он у нас режиссёр эфира, и голос у него всегда такой, будто ничего страшного не происходит, даже когда происходит. - Повтори за мной: ничего страшного.

- Ничего страшного, - повторила я и поправила микрофон на воротнике. - Что у нас вместо него?

- Семь минут кулинарного блока. Продукты на столе. Рецепт на суфлёре. Глеб говорит, что справится.

Вот это и было страшно.

Глеб Назаров сидел на соседнем стуле и улыбался второй камере так, будто она была его любимой тётей. Тридцать четыре года, бывший хоккеист, нынешний любимец всей страны, которая встаёт в семь утра. Он мог рассмешить любого. Он мог рассказать историю про что угодно. Он не мог прочитать рецепт сырников с листа, не добавив туда от себя примерно половину.

- Доброе утро, - сказал он мне, не поворачивая головы. - Ты сегодня какая-то бледная.

- Это называется грим под камеру.

- А, ну да. Я всё время забываю, что ты из региона.

Я из Самары. Семь лет на местном канале, два года в Москве, девять месяцев в этом кресле. За девять месяцев я выучила про Глеба главное: он говорит гадости таким тоном, что зритель думает, будто это шутка. Зритель не сидит с ним за одним столом.

- Тридцать секунд, - сказал Паша.

Я посмотрела на свой план. Жёлтым я выделяю то, что говорю я, зелёным то, что говорит Глеб, красным то, что нельзя забыть ни в коем случае. Кулинарного блока в плане не было. Вместо него была диетолог Светлана Юрьевна, которая должна была рассказать про осеннюю хандру и витамин D. Я подготовила восемь вопросов. Я прочитала её книгу. Я, как последняя дура, даже сделала закладки.

- Десять.

Глеб хрустнул пальцами.

- Расслабься, Климова. Сырники. Что может пойти не так.

Красная лампочка на второй камере загорелась.

- Семь часов утра, с вами «Подъём» на Седьмом канале! - сказал Глеб, и голос у него сразу стал на два тона теплее. - Доброе утро, страна, я Глеб Назаров.

- Я Вера Климова. Сегодня вторник, и у нас...

Дальше шло так, как шло всегда. Погода, пробки, короткий сюжет про метро. Я вела, Глеб вставлял. Он умел вставлять. Иногда мне казалось, что это единственное, что он умеет, и что этого почему-то хватает.

В 7:11 мы пересели к плите.

- А вот сейчас, - сказал Глеб, и я увидела, как он читает суфлёр, - наша любимая рубрика. Готовим с «Подъёмом». Сегодня у нас сырники. Вера, ты готовишь сырники?

- Готовлю.

- А я нет. Так что ты показываешь, а я мешаю.

В аппаратной засмеялись. Я это слышала через Пашу. Я не смеялась. Я смотрела на суфлёр и видела, что рецепт на нём заканчивается на строчке «добавить два яйца и».

И всё.

- Паша, - сказала я, не разжимая губ, пока Глеб рассказывал про свою бабушку, которая якобы делала сырники из творога с рынка в Люберцах. - Суфлёр.

- Вижу, - сказал Паша. - Техника чинит.

- Сколько?

- Минуту. Две. Импровизируйте.

Импровизировать я не умею. Это не недостаток, это принцип. Я семь лет вела утренние новости в городе, где слово «импровизация» означало, что ты сейчас скажешь что-то, за что тебя вызовут к директору. Я готовлюсь. Я проверяю. Я прихожу в пять утра, чтобы ни одна секунда не была случайной.

Глеб обернулся ко мне с миской творога.

- Ну? Что дальше, шеф?

- Дальше мука, - сказала я. - Две столовые ложки.

- Две? - Он поднял брови на камеру. - Мне кажется, тут надо больше.

- Две.

- А моя бабушка...

- Твоя бабушка, Глеб, по-моему, появилась у тебя примерно тридцать секунд назад.

Это было не по сценарию. Это было не по плану. И это, как я потом поняла, было первой фразой, которую через пять часов посмотрят четыре миллиона человек.

Глеб не смутился. Он никогда не смущался, это тоже входило в список его бесячих качеств.

- Моя бабушка, - сказал он зрителям, - обиделась бы. Но она не смотрит, она в Люберцах. Вера, сыпь муку.

Я сыпала муку. Он взял яйцо и разбил его о край миски так, что половина скорлупы оказалась внутри.

- Нормально, - сказал он. - Это кальций.

- Это скорлупа.

- Это кальций, Вера. Зрители, кто со мной?

- Зрители с тобой, потому что ты не даёшь им слова вставить.

Он посмотрел на меня. Не на камеру. На меня. Это он делал редко, и я на секунду растерялась, потому что в упор Глеб Назаров выглядел не как ведущий, а как обычный человек, которому тоже надоело.

- Знаешь что, - сказал он тихо, но микрофон на воротнике не знает слова «тихо». - Я девять месяцев делаю вид, что мне с тобой весело.

- А я девять месяцев делаю вид, что ты профессионал.

Тишина в аппаратной. Я её физически почувствовала. Паша замолчал в ухе, а Паша не молчит никогда.

- Я профессионал, - сказал Глеб. - Я в эфире с восемнадцати лет.

- Ты в эфире, потому что у тебя папа.

Вот тут я поняла, что перешла.

Про папу Глеба знали все. Аркадий Назаров. Голос, которым страна тридцать лет слушала новости. Про папу Глеба не говорили в его присутствии, это было негласное правило, и я его только что нарушила на всю страну, у плиты, с мукой на руках.

Глеб улыбался. Улыбка никуда не делась, но глаза перестали в ней участвовать.

- Знаешь, Климова, - сказал он, - ты невыносимая. Ты правишь мне ударения в прямом эфире. Ты ходишь с маркера-

ми. Ты единственный человек в этом здании, который никогда не смеётся над моими шутками, и я начинаю думать, что дело не в шутках.

- Дело в шутках.

- Ты меня бесишь, - сказал он.

- Взаимно, - сказала я.

И мы оба повернулись ко второй камере, потому что рефлекс.

- Реклама! - заорал Паша в ухе так, что у меня зазвенело. - Реклама, срочно, уходим, уходим, уходим!

Красная лампочка погасла.

Какое-то время мы молчали. Глеб смотрел в миску с творогом и скорлупой. Я смотрела на свои руки. Из динамика в студии было слышно, как рекламный голос предлагает ипотеку без первоначального взноса.

- Это был прямой эфир, - сказала я.

- Да.

- Это видели.

- Да.

Он отставил миску. Снял микрофон. Положил его на стол аккуратно, как будто микрофон был виноват.

- Поздравляю, Вера, - сказал он. - Ты первый раз за девять месяцев сказала что-то не по бумажке.

И ушёл со съёмочной площадки, не дожидаясь конца рекламы.

Вторую половину эфира я вела одна. Гороскоп, сюжет про

собак-поводырей, прогноз на завтра. Я улыбалась. Я умею улыбаться в любых обстоятельствах, это тоже принцип.

В 9:00 красная лампочка погасла в последний раз. Я сняла микрофон, посмотрела на часы и подумала, что сейчас пойду в гримёрку, сниму с лица эти два слоя, выпью кофе и буду думать, что делать с жизнью.

- Вера, - сказал Паша в ухе. Голос у него был странный. - Не уходи.

- Что?

- Ролик. Вы с Назаровым. Кто-то выложил.

- Когда?

- Минут сорок назад. Я тебе скину.

- Сколько там?

Пауза. Паша считал, или не верил цифрам, или и то и другое.

- Четыреста тысяч, - сказал он. - И это, Вер. Оно растёт.

Глава 2. Глеб

Глеб

Отец позвонил в 9:40. Это значило, что ролик досмотрели даже на Ленинском проспекте, где интернет включают только для того, чтобы узнать, что говорят про Назаровых.

Я сидел в машине на стоянке у телецентра. Не ехал. Просто сидел. Двигатель работал, печка работала, телефон вибрировал на пассажирском сиденье так, что казалось, сейчас уползёт.

- Да, пап.

- Ты сказал ей «ты меня бесишь».

Не «здравствуй». Не «что случилось». Отец тридцать лет читал новости на всю страну, и он до сих пор говорил так, будто то, что он произносит, кто-то записывает.

- Сказал.

- В эфире.

- Я заметил.

- Глеб, - сказал он, и я услышал, как он садится в кресло. Скрип этого кресла я знаю с пяти лет. - Я тридцать лет не сказал в эфире ни одного лишнего слова.

- Я знаю, пап.

- Ни одного.

- Я знаю.

- Что ты собираешься делать?

Это был хороший вопрос. Я на него не знал ответа ни тогда, ни через час, ни вечером, когда Штерн вызвала нас обоих.

- Поеду домой, - сказал я. - Высплюсь. Утром выйду в эфир.

- Она сказала про меня.

Вот. Вот то, из-за чего он звонил.

Не из-за «бесишь». Не из-за муки на руках и скорлупы в творожной массе. Климова сказала «ты в эфире, потому что у тебя папа», и это было самое обидное, что мне сказали за год, потому что это было почти правдой.

- Она не тебя имела в виду.

- Она сказала «папа».

- Она имела в виду, что я бездарь. Папа тут для красоты.

Отец помолчал. Он умел молчать так, что хотелось извиниться непонятно за что.

- Позвони матери, - сказал он. - Она переживает.

И повесил трубку.

Я положил телефон на сиденье экраном вниз. Он тут же завибрировал снова. Я его перевернул. Сорок одно сообщение. Марина, Юля из SMM, Лёха из спортивной редакции, два незнакомых номера, агент, который не звонил мне с лета, и, отдельной строкой, Алиса Штерн, генеральный продюсер: «В 18:00 у меня. Оба».

Оба.

Я открыл ролик.

Снимали, судя по всему, с телевизора. Экран, на экране мы. Плита, творог, я с яйцом. Под роликом подпись: «Ведущие „Подъёма“ ненавидят друг друга (ПОЛНАЯ ВЕРСИЯ)». Полная версия шла минуту сорок. Два миллиона просмотров. Я пересмотрел. Потом ещё раз.

Со стороны это выглядело хуже, чем изнутри. Изнутри я просто устал. Со стороны я был мужик, который орёт на женщину у плиты, а она отвечает ему спокойно и точно. Климова даже в скандале выглядела так, будто у неё есть план.

Комментарии я читать не стал. То есть стал, но недолго. Первые три: «Наконец-то что-то живое на утреннем ТВ», «Девочка права, он реально бездарь» и «ОНИ ТОЧНО СПЯТ». Дальше я закрыл.

Про Климову надо объяснить, потому что иначе непонятно.

Девять месяцев назад у меня была напарница. Марина Соколова. Мы вели «Подъём» четыре года, и это были лучшие четыре года моей жизни, если не считать хоккея, а хоккей считать нельзя, потому что он закончился в двадцать два года вместе с коленом. Марина была смешная, быстрая, с ней можно было молчать в эфире, и зрители не замечали. Потом пришла Штерн. Потом Марина «перешла на другой проект». Потом в её кресло села девушка из Самары с маркерами трёх цветов.

Я знал, что Климова ни при чём. Я это знал головой. Но головой я в эфире не работаю.

Она пришла в январе. Первый день она провела за моим столом с планом, в котором расписала мои реплики. Мои. Я вёл утро четыре года без единой бумажки. Я посмотрел на зелёный маркер, которым она выделила «Глеб: шутка про погоду», и подумал: ну всё.

Нет, я не делал ей гадостей. Я не такой. Я просто не помогал. Не подсказывал, где камера, не прикрывал, когда она ошибалась в ударении, не смеялся, когда она пыталась шутить. А она пыталась. Первые два месяца. Потом перестала.

И вот девять месяцев мы сидели рядом два часа каждое утро, и единственное, в чём сходились, это в том, что в конце эфира надо повернуться ко второй камере.

Телефон снова загорелся. Марина.

«Ты живой?»

«Нет».

«Я видела. Глеб, это гениально. Вы оба гениальны. Ты не понимаешь».

«Объясни».

«Вечером. Я заеду. Ты дома?»

Я посмотрел на здание телецентра. Серый бетон, окна, за одним из них Штерн уже, наверное, рисует на доске стрелочки. Штерн любила стрелочки.

«В шесть у Штерн. После».

«Удачи. Серьёзно. И Глеб».

«Что».

«Не извиняйся первым».

Я положил телефон, вышел из машины и пошёл обратно в здание, потому что сидеть восемь часов на парковке было бы странно даже для меня.

В спортивной редакции на четвёртом этаже меня встретили аплодисментами. Это Лёха придумал. Лёха ведёт спортивные новости в девять пятнадцать, после нас, и мечтает вести «Подъём» так же сильно, как я в детстве мечтал про «Крылья». Он хлопал громче всех.

- Назаров! Звезда! Можно автограф на лбу?

- Иди в эфир, Лёх.

- Я был в эфире. Меня никто не смотрел. Все смотрели повтор вашего.

Я сел за свой стол. На столе лежал мой же план на завтра, пустой лист с одной строчкой «гость: ветеринар, тема: как понять кота». Я смотрел на кота и думал, что ещё вчера это была моя главная проблема.

- Слушай, - сказал Лёха, подсаживаясь. Голос стал тише, а глаза нет. - А если серьёзно. Вас уволят?

- Не знаю.

- Если уволят, ты же меня порекомендуешь? Ну, на твоё место. Я же свой.

Я посмотрел на него. Лёха улыбался. Хорошая улыбка, открытая, я его научил так улыбаться в камеру два года назад.

- Конечно, Лёх, - сказал я. - Ты свой.

В коридоре меня поймала Юля.

Юле двадцать три, она ведёт все соцсети «Подъёма», и она единственный человек в здании, который разговаривает быстрее, чем я думаю.

- Глеб Аркадьевич, - сказала она. Она звала меня по отчеству из какой-то своей иронии, которую я так и не расшифровал. - У нас сто двадцать тысяч упоминаний. За три часа. У нас никогда не было ста двадцати тысяч. У нас сто двадцать тысяч не было за год.

- Ничего не пости.

- Поздно.

- В смысле?

Она повернула ко мне телефон. Официальный аккаунт «Подъёма». Тот самый ролик. Подпись: «Утро на Седьмом. Без сценария».

И огонёк. Тот самый, который ставят, когда хотят, чтобы горело.

- Это кто?

- Алиса Марковна. Лично. Я сказала, что надо подождать. Она сказала, что ждать - это когда нечего постить.

Я смотрел на огонёк и понимал, что Штерн уже всё решила. Она всегда всё решала до того, как заходила в кабинет. Кабинет был для того, чтобы мы думали, что нас спросили.

- Юль. Сколько под ним?

- Сорок тысяч лайков. И, Глеб Аркадьевич, вы только не злитесь.

- Что.

- Там голосование. В комментариях, сами завели. «Поженить или уволить».

- И?

Юля посмотрела на меня с состраданием, с каким смотрят на человека, который не понимает, в какой момент его жизнь перестала ему принадлежать.

- Поженить ведёт, - сказала она. - Семьдесят на тридцать.

Глава 3. Вера

Вера

Кабинет Алисы Штерн находился на шестом этаже, и в нём не было ни одной вещи, которая ничего не значила.

Стол стеклянный. Кресло белое. На стене доска, на доске стрелочки. На столе ни одной бумаги, только планшет и стакан с водой, в котором плавал один ломтик лимона, не два. Я видела этот кабинет три раза. Три раза я приходила сюда с презентацией вечернего интервью-шоу, которое придумала ещё в Самаре, и три раза выходила с фразой «интересно, давайте вернёмся к этому позже».

Сейчас я сидела в кресле для посетителей, Глеб сидел в соседнем, и между нами было ровно столько места, чтобы не касаться подлокотниками.

Штерн смотрела на планшет.

- Доля, - сказала она. - Сегодня, семь одиннадцать, кулинарный блок. Знаете, какая?

Мы молчали. Это был не вопрос.

- Девять и два. Девять и два, Вера. У нас среднее по утру три и четыре. У нас за последний год лучший результат был четыре и восемь, когда в студию привозили щенков. Девять и два, это когда страна остановилась и смотрит, как вы руга-

етесь у плиты.

- Это была случайность, - сказала я.

- Это была лучшая случайность в истории Седьмого канала.

Она отложила планшет и посмотрела на нас. Алисе Штерн сорок, она пришла с интернет-платформы, где цифры решают всё, и за год на канале успела уволить половину людей, которые мне нравились. Она не была злой. Это было хуже. Она была точной.

- Я скажу коротко, - сказала она. - Потом вы будете меня ненавидеть, и это нормально, вы сегодня в этом хороши. Утро умирает. Не наше, вообще всё. Люди просыпаются и берут телефон, а не пульт. Мы вчера были в этом тренде. Сегодня мы в другом. Сегодня нас обсуждают. Вас обсуждают. И я не собираюсь это терять.

- Мы извинимся, - сказала я. - Завтра, в начале эфира. Я возьму на себя.

- Нет.

- Что нет?

- Никаких извинений. - Штерн встала, подошла к доске и ткнула в стрелочку. - Вот тут вы ссоритесь. Вот тут вы продолжаете ссориться, потому что это работает. А вот тут, - палец ушёл вправо, - вы пара.

Глеб поднял голову.

- Пара чего?

- Друг друга, Глеб. Вы с Верой встречаетесь. Начиная с

сегодняшнего вечера. От ненависти до любви, сюжет старый, как телевидение, и работает каждый раз. В эфире вы цапаетесь. Вне эфира вы вместе. Соцсети, совместные выходы, интервью. Юля уже набросала план на десять недель. Кульминация на новогоднем эфире. Какая именно, решим по цифрам.

Я ждала, что Глеб засмеётся. Он не засмеялся.

- Это ложь, - сказала я.

- Это телевидение.

- Это ложь зрителям, Алиса Марковна. Люди будут думать, что это настоящее.

- Люди будут смотреть. - Штерн вернулась к столу. - Вера, вы девять месяцев в эфире. Вы хорошая. Вы правда хорошая, у вас лучшаяподготовка в здании, я видела ваши планы, я таких не видела даже у юристов. И вас никто не знает. Сегодня в полдень вас узнали четыре миллиона человек. Вы хотите вернуть это обратно?

Я молчала. Она знала, что я молчу не потому, что мне нечего сказать.

- Сколько? - спросил Глеб.

- Что сколько?

- Сколько это должно длиться?

- До Нового года. Десять недель.

- А потом?

- Потом вы, как и положено паре с телевидения, красиво расходитесь, и мы делаем из этого ещё один сезон. Или не

расходитесь. Мне всё равно, честно.

- А если мы откажемся? - сказала я. - Оба.

Штерн села. Посмотрела на меня так, будто я наконец задала правильный вопрос.

- Пункт семь четыре ваших контрактов. «Обязательства по поддержанию имиджа программы». Я вчера попросила юристов его перечитать. Отказ от согласованных с руководством мероприятий по продвижению - это нарушение. Нарушение - это расторжение по инициативе канала. С неустойкой.

- Вы не можете уволить нас за то, что мы не встречаемся.

- Я могу уволить вас за то, что вы отказались от промо. А вечером выложить ролик с подписью «Седьмой канал не терпит хамства в эфире». И через неделю тут будут сидеть два новых лица, молодых и благодарных, а вы оба будете искать работу с репутацией людей, которые сорвали прямой эфир. - Она отпила воды. - Это не угроза. Это описание.

Тишина. В ней было слышно, как в коридоре кто-то катит тележку с кабелями.

- А если мы согласимся? - сказал Глеб. Медленно, будто пробовал слово на вкус.

- Если вы согласитесь, то утро живёт. Вы живёте. Глеб, твой контракт заканчивается в марте, я подписываю продление на три года. Прямо сейчас, если хочешь. И твой спортивный проект, про который ты мне второй год рассказываешь на корпоративах, получает бюджет.

Глеб ничего не сказал. Но я сидела рядом и видела, как у него дёрнулась рука на подлокотнике.

- Вера.

- Что.

- Вечернее интервью. Ваш проект. «Разговор», так, кажется? - Она даже не заглянула в планшет. - Три презентации. Я помню все три. Если к Новому году у «Подъёма» доля выше шести, в январе вы получаете слот. Среда, двадцать два тридцать. Ваше имя в названии.

Я сжала руки на коленях, чтобы не дёрнулась ни одна.

Три года. Три года я носила эту папку по кабинетам. В Самаре мне говорили «не наш формат». Здесь мне говорили «давайте позже». Кирилл, который когда-то был моим мужчиной, а потом стал продюсером на другом канале, сказал мне в последний наш разговор: «Вер, ты хорошая ведущая. Региональная. Это не обидно, это уровень». И вот этот уровень сидел передо мной в белом кресле и предлагал мне мой слот за десять недель вранья.

- Можно подумать? - спросила я.

- До утра. В семь вы в эфире. Либо вы выходите как пара, и Юля публикует первый пост, либо в семь выходит Лёша из спортивной редакции с девочкой из прогноза погоды, а вам в девять приносят документы.

Она взяла планшет, и мы поняли, что разговор окончен.

- И ещё, - сказала она, когда мы уже встали. - Между собой делайте что хотите. Но если это всплывёт как постановка, то

всплывёт от вас. Канал будет ни при чём. Я это скажу честно: канал никогда ни при чём.

Мы вышли в коридор. Шестой этаж был тихий, ковровый, тут не бегали с кабелями и не орали в телефон. Тут принимали решения, а решения принимают молча.

Я нажала кнопку лифта. Глеб стоял рядом и смотрел на цифры над дверью так, будто они могли показать что-то кроме этажей.

- Ты это знал? - спросила я. - Про пункт семь четыре.

- Нет.

- Ты четыре года тут работаешь.

- Я четыре года тут работаю и ни разу не читал контракт дальше суммы.

- Это очень на тебя похоже.

- Спасибо.

Лифт пришёл. Мы вошли. Двери закрылись, и зеркало на задней стенке показало нам двоих людей, которых только что купили.

- Я не буду с тобой целоваться, - сказала я.

Глеб смотрел на цифры.

- Я тебя об этом не просил.

- Я говорю заранее.

- Ты всё говоришь заранее.

Пятый этаж. Четвёртый.

- Ты согласишься, - сказала я. Не спросила.

- А ты нет?

Я не ответила. Он повернул голову.

- Климова, ты ждала этот слот три года. Я видел, как ты выходила из её кабинета в марте. Ты шла по коридору с папкой так, будто в ней лежал кто-то живой.

- Ты видел?

- Я вижу больше, чем ты думаешь. Я просто не комментирую.

Третий. Второй.

- Будут правила, - сказала я.

- Конечно, будут. У тебя всегда правила.

- Сегодня. В десять. Кафе на Шаболовке, круглосуточное, рядом с башней. Возьми с собой что-нибудь, чем писать.

- У меня планы.

- Отмени.

Первый этаж. Двери открылись. В холле стояла охрана и телевизор, по которому в это время показывали нас. Повтор утреннего эфира. Как раз творог.

Глеб посмотрел на экран. Потом на меня.

- Ладно, - сказал он. - В десять.

И вышел первым, потому что это, видимо, тоже был принцип.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.